

СТАНОВЛЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ЭВРИСЕМИИ В ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛА 'ИМЕТЬ')

В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ этимологически и концептуально соотносимых глаголов *habēn* и *habban* в древневерхненемецком и древнеанглийском языках в аспекте типологической трансформации германских языков.

Ключевые слова: типология, системология, грамматикализация, аналитические конструкции, глагольные носители эврисемии, немецкий язык, английский язык.

Как известно, частью процесса реализации устойчивой типологической тенденции (в терминах М. М. Гухман: типологической диахронической константы) в сторону накопления черт корнеизоляции, агглютинации и аналитизма в истории английского языка явилось становление эврисемии, в частности в глагольной подсистеме [Плоткин, 1989; Шапошникова, 1991; 1999; 2009; Аналитизм..., 2005]. М. М. Гухман определяет общую типологическую диахроническую константу германских языков как «однаправленные изменения, обладающие определенной частотностью и узуальностью», в качестве форм актуализации которых могут рассматриваться «модели, обобщающие объективно существующие и действующие закономерности языковых преобразований; это тот строительный материал исторической типологии, который неизменно присутствует во всех ее разновидностях» [1981. С. 45, 34].

Под термином «константа» мы, в свою очередь, понимаем разноуровневые процессы, образующие цельносистемную внутреннюю детерминанту языка, типологически релевантные устойчивые процессы детерминантного характера, которые фиксируются в разных стадиях, на разных синхронных срезах и в диахронии. В качестве первого этапа на основе этимологической и концептуальной общности мы инвентаризируем единицы со сходным значением 'посессивное состояние',

другими словами, фиксируем факт общности. На втором этапе, применяя критерии идентификации носителей эврисемии [Шапошникова, 1999], мы выявляем свойства и специфику данных единиц в немецком языке и их отличие как микросистемы от функционально соотносимой микросистемы английского языка.

Основы словарного состава языка закладываются еще в глубокой древности. «Из глаголов наиболее древними и устойчивыми... являются те, которые обозначают действия физические, прежде всего – обширная категория глаголов движения и покоя...» [Жирмунский, 1965. С. 311]. Глагол 'иметь' несет в себе базовый концепт пространственно-временной области, через которую человек познает окружающий его мир. Данный глагол описывает обладательное состояние какой-либо сущностью, прежде всего окружающего нас вещного мира, а также через метафору мира наших чувств, ощущений, мыслей, другими словами, мира внутреннего, идеального, духовного. Именно «свойства объектов действительности характеризуют *предрасположенность* этих объектов вступать в те или иные *связи и взаимодействия* с другими объектами» [Мельников, 2003. С. 34]. Мир вещный и мир идеальный, духовный представляют различные объекты, при этом одной из наших задач является рассмотрение того, как объединяются в семантической структуре

глагольных носителей эврисемии различные объекты.

Еще Э. Бенвенист подметил, что глагол 'иметь' может быть охарактеризован как глагол состояния, не описывающий никакого процесса и являющийся по сути псевдотранзитивным: «"иметь" – это состояние имеющего, того, у которого что-то есть... два члена, соединенные глаголом "иметь", остаются различными; связь между ними является внешней и определяется как отношение принадлежности; это отношение обладаемого к обладателю. "Иметь" обозначает только обладателя и делает это с помощью того, что с грамматической точки зрения выступает как (псевдо)объект» [Бенвенист, 2002. С. 215]. Другими словами, использование конструкции с данным глаголом есть описание субъекта или его состояния через псевдообъект. Данное положение, как подтверждают результаты нашего исследования, применимо и для древневерхненемецкого, так как основной валентностью для глагола 'иметь' и в древневерхненемецком, и в древнеанглийском языке выступает глагольно-объектная, в которой позиция объекта может заполняться разноструктурными элементами: от имен существительных до сложносоставных субпредикатных единиц.

Глагол 'иметь' описывает простое нахождение человека – субъекта глагола в обладательном состоянии («статическое» обладание), *состояние центра посессивной сферы* [Плоткин, 1989; Шапошникова, 1991; Кудинова, 1994; Wischer, 2001; Гурочкина, 2003; Аналитизм..., 2005].

Таким образом, можно говорить о сильных и слабых сторонах объекта, в частности, «объект с определенными "сильными", специфичными свойствами оказывается ... в наибольшей степени предрасположенным к вступлению во вполне определенные виды связей и взаимодействий с другими объектами, или, иначе говоря, он имеет *интенцию* войти в окружение определенной группы объектов и превратиться в узел, *связывающий* эти объекты между собой своими связями с ними» [Мельников, 2003. С. 34]. Таким интенционально значимым, связывающим элементом выступает глагол 'иметь', обозначающий состояние центра посессивной сферы.

Глагол 'иметь', по мнению В. Я. Плоткина, является частью системообразующего ядра микросистемы глагольных носителей эврисемии в английском языке. «На протяжении ис-

тории английского языка глагол *have* значительно расширил сферу своего употребления и раздвинул границы круга, центром которого является его субъект. В этот круг всегда входили неодушевленные предметы (*have a house*), люди (*have friends*), качества (*have modesty*). Затем в него вошли действия субъекта, как потенциальные (*have to write*), так и осуществленные им (*have written*)... расширение сферы вокруг субъекта *have* не ограничилось отдельными предметами и действиями – в нее сейчас могут входить и целые события, происходящие по воле субъекта или против нее, затрагивающие его интересы: *He had them change their plan*» [Плоткин, 1989. С. 208–209]. Уже в древнеанглийский период для глагола *habban* характерны признаки, допускающие развитие в сторону эврисемии (см.: [Шапошникова, 1991]).

Немецкий глагол *habēn* 'иметь, владеть', выбранный нами для анализа по концептуальным и однокоренным в индоевропейском языке соответствиям с древнеанглийским глаголом *habban* 'иметь', возводится этимологами к индоевропейскому корню **habai-* [Kluge, 1975. S. 315] с дальнейшей сменой гласного в корне. Аналогичные фонетические изменения произошли и в других индоевропейских языках. Так, в готском языке мы находим глагол *hafjan* со значением 'поднимать' (← **haf-*), а в латинском *capere* 'хватать' (← **hab-*), этимологически соотносимые с рассматриваемым нами *habēn*. Глагол является общегерманским: гот. *haban*, др.-в.-нем. *habēn*, др.-англ. *habban*. Семантически значение глагола сменилось от общеиндоевропейского *fassen, packen* ('хватать, братья') до германского *halten, haben* ('держат, иметь') [Duden, 1989. S. 261]. Основа данного глагола используется в словообразовании немецкого языка вплоть до настоящего времени. Так, современное немецкое имя существительное *Habe* 'имущество' восходит к ср.-в.-нем. *habe*, а оно, в свою очередь, – к др.-в.-нем. *haba*, образованному от основы **habai-*, ср. также совр. нем. *Habenichts* 'бедняк, нищий', восходящее к ср.-в.-нем. *habenicht*.

По данным древневерхненемецких словарей [Schützeichel, 1969. S. 74; Köbler, 1993. S. 140–141], глагол *habēn* использовался для обозначения следующих состояний:

- 1) иметь, держать (за);
- 2) владеть, иметь, получать;
- 3) оставлять, держать, удерживать, заблудиться;

4) хватать, брать, иметь (как);

5) находиться.

Кроме того, глагол *habēn* употреблялся как «вспомогательный» (наряду с *sīn* ‘быть’), а также в предложно-падежных сочетаниях.

Из приведенного списка значений нетрудно заметить, что уже в древневерхненемецкий период легко выделяется инвариант, базовый концепт – обозначение глаголом *habēn* обладательного состояния.

Наша выборка насчитывает 809 примеров употребления глагола *habēn* ‘иметь’ в древневерхненемецкий период, это составляет 2,51 на каждые 10 000 знаков проанализированных нами корпусов текстов¹. По результатам анализа И. В. Шапошниковой [1991], частотность употребления глагола *habban* ‘иметь’ в древнеанглийском языке составляет 11,7 на каждые 10 000 знаков текста, что существенно выше аналогичного показателя в древневерхненемецком языке.

Чаще всего и в древнеанглийском, и в древневерхненемецком языках роль объекта в конструкции с глаголом ‘иметь’ выполняет имя существительное. Проведенный анализ объема валентности данной модели позволяет сделать следующие выводы.

Внешний микромир

(V + N_{АКК}^{конкр.})

Существительные конкретной семантики – объекты материального мира, по-разному описывающие субъект действия, указанного глаголом, формируют 46,3 % от общего объема глагола *habēn* по древневерхненемецкой выборке. Здесь, как и для древнеанглийского языка (см.: [Шапошникова, 1991. С. 30–32]), можно выделить следующие подгруппы имен существительных, составляющих посессивную сферу субъекта.

1. Названия предметов личного пользования (*bûh* ‘книга’, *keuuâte* ‘одежда’ *spere* ‘копье’, *suert* ‘меч’, *tinihun* ‘туника’ и др.). Например:

1) *Tho quad in der heilant: vvuo manigu brot habet ir*²? (Tat., Ev. Harm., 89, 5) ‘Тогда спро-

сил их святой: как много хлеба имеете вы³?’;

2) ...*unde habent âle-gáro iro strâla in íro chóchere* (Notker, Ps., 10 (34, 23)) ‘И имели все готовыми (и были наготове) стрелы в колчанях’;

3) *Simon Petrus habenti suert nam iz uz inti sluoc thes bisgoffes scalc* (Tat., Ev. Harm., 185, 2) ‘Симон Петрус имел меч, вынул его и ударил слугу епископа’.

2. Номинации людей – члены семьи, подчиненные, воины также могут составлять посессивную сферу субъекта глагола (*âmbaht* ‘слуга’, *bihaltera* ‘сторож’, *brouder* ‘брат’, *brut* ‘невеста’, *friunt* ‘друг’ и др.). Например:

4) *Vuelih úuer habet friunt inti ferit zi imo in mittero naht* (Tat., Ev. Harm., 40, 1) ‘Кто из вас имеет друга и поедет к нему посреди ночи’;

5) *hiltibrant gimahalta heribrantes suno wela gisihu ih in dinem hrustim dat du habes heme herron goten* (Kl. ahd. Dkm., Hld., 47 (76v, 12)) ‘Хильдебранд сказал, Херибранда сын: точно вижу я по твоим доспехам, что ты имеешь дома хорошего господина (хорошему господину служишь)’.

Подгруппы 1–2 формируют ядро группы существительных конкретной семантики, составляя более 80 % от проведенной выборки в валентностном наборе древневерхненемецкого глагола *habēn* (36 и 46 % соответственно).

3. Номинации земель, крепостей (такие слова, как *éhti* ‘владенье’, *phorzicha* ‘зала’) также описывают достояние сферы субъекта, выступая объектами при глаголе *habēn* в древневерхненемецком языке (5,3 % от общей выборки). Например:

6) *ziu habet hér thie erda in gimeitun?* (Tat., Ev. Harm., 102, 2) ‘Зачем имеет он землю без пользы’.

4. В качестве объекта употребляются и наименования животных. Таким образом описывается благосостояние субъекта (в 2 % случаев):

7) *Tho quad her zi in: úuer ist fon úu mán, thie thar habe ein scaf* (Tat., Ev. Harm., 69, 6) ‘Тогда сказал он им: кто из вас тот человек, который имеет овцу’.

5. Кроме того, в 10,7 % от выборки объектом при глаголе выступают названия частей тела. Например:

¹ Древневерхненемецкие памятники доступны в режиме on-line по адресу www.titus.uni-frankfurt.de.

² Полу жирным курсивом в тексте примеров отмечены рассматриваемые глаголы; пунктирной линией – имена существительные – объекты, дополнения при глаголе; волнистой линией – расширители модели.

³ Для удобства рассмотрения здесь и далее в тексте приведен буквальный подстрочный перевод.

8) *Siê habēnt munt. unde ne-sprēhent. habēnt ougen unde ne-gesēhent. habēnt oren unde ne-gehōrent* (Notker, Ps., 134 (503, 16–17)) ‘Они имеют рот, но не говорят. Имеют глаза, но не видят. Имеют уши, но не слышат’.

В проанализированных древневерхненемецких текстах доля существительных конкретной семантики в валентностном наборе глагола *habēn* составляет, как было отмечено выше, 46,3 %, т. е. почти половину всех встретившихся примеров, – это то ядро, тот каркас, на котором держится глагольно-объектная модель. Данная группа может быть описана как часть посессивной сферы субъекта – сфера, описывающая внешний микромир субъекта. В основе данной микросферы лежит свободное синтаксическое сочетание *habēn* + $N_{\text{АКК}}^{\text{конкр.}}$.

В древнеанглийском языке, по результатам анализа И. В. Шапошниковой, существительные конкретной семантики – объекты материального мира, окружающего человека, составляют примерно 43 % от всей выборки по глагольно-объектной модели [1991. С. 33], т. е. употребительность конструкции $V + N_{\text{АКК}}^{\text{конкр.}}$ в обоих рассматриваемых языках примерно одинакова. Таким образом, и в древнеанглийском, и в древневерхненемецком языках ядро модели образует сочетание глагола с существительным конкретной семантики. Именно сочетание $V + N_{\text{АКК}}^{\text{конкр.}}$ в древний период существования письменных памятников на английском и немецком языках наиболее устойчиво, данное сочетание является прототипическим для глаголов *habēn* / *habban*, именно оно формирует каркас глагольно-объектной модели.

Внутренний микромир ($V + N_{\text{АКК}}^{\text{абстр.}}$)

Наполнение посессивной сферы субъекта может также маркироваться посредством имен существительных абстрактной семантики – объектов, характеризующих преимущественно внутренний мир человека. В данном случае перед нами сочетание, образованное на базе исходной модели *habēn* + $N_{\text{АКК}}^{\text{конкр.}}$, где именной компонент выражен именем существительным – своего рода псевдообъектом (по отношению к объекту материального мира). Такое образование стало возможным благодаря когнитивной метафоре, основанной на механизме «проецирования» [Лакофф, Джонсон, 2004], в результате чего произошло ото-

ждествление абстрактного явления с конкретным. В древневерхненемецком в качестве объекта употребляются такие существительные, как *chrēfte* ‘сила’, *frīdo* ‘свобода’, *gelūste* ‘счастье’, *liste* ‘знание’, *māhtî* ‘сила’, *mūot* ‘мужество’, *sālda* ‘радость’, *sibba* ‘свобода’, *sunta* ‘грех’, *ziērdo* ‘красота’ и многие другие. Например:

9) *Inti sār tho ther heilant sprah ín quedenti: habet ír beldida, ih bím iz, ni curet íu forhten* (Тат., Ев. Норм., 81, 2) ‘И тут же святой сказал: имейте мужество, я есмь, не должны вы бояться’;

10) *ibu du dar enic reht habes* (Kl. ahd. Dkm., Hld., 57 (76v, 21)) ‘если ты тогда право имеешь’.

Доля существительных абстрактной семантики в древневерхненемецком языке также довольно высока – 23,4 % от общей выборки. Абстрактная сущность локализуется во внутреннем (ментальном) пространстве человека. Соответственно сочетание $V + N_{\text{АКК}}^{\text{абстр.}}$ описывает внутренний микромир человека – субъекта глагола *habēn* ‘иметь’.

Для древнеанглийского языка, по подсчетам И. В. Шапошниковой, доля существительных абстрактной семантики, выступающих в роли объекта глагола *habban* ‘иметь’, намного выше аналогичного показателя в древневерхненемецком языке (около 57 %). Сюда относятся такие существительные, как *wille* ‘желание’, *blisse* ‘блаженство’, *gewit* ‘мудрость’, *sorg* ‘забота’, *sar* ‘печаль’, *ellen* ‘мужество’ и др. Например:

11) *Hi nan helpe ne haefden of the king* (Chr 1140) ‘Они никакой помощи не имели от того короля’.

Однако при анализе древнеанглийского материала в подсчеты по этой группе были включены также имена существительные деятельности семантики, которые, на наш взгляд, следует уже в этот период рассматривать как часть самостоятельной группы, относящейся к когнитивной сфере действия (см. ниже).

Деятельностная микросфера ($V + N_{\text{АКК}}^{\text{деят.}}$, $V + N_{\text{АКК}} + V_{\text{Part II}}$ и др.)

Прежде всего, это существительные деятельности семантики, которые в сочетании с глаголом описывают деятельность сторону бытия субъекта. По справедливому замечанию Т. М. Беляевой [1979], данные существительные называют «опредмеченное

действие». В частности, здесь можно назвать такие имена существительные, как *arebeite* ‘работа’, *chiesunda* ‘решение’, *énde* ‘конец’, *hélfa* ‘помощь’, *rât* ‘совет’, *tât* ‘действие’.

По словам И. В. Шапошниковой, «сама возможность постановки в позиции объекта у *habban* существительного процессной семантики может использоваться, когда необходимо включить в сферу влияния субъекта деятельностное начало» [1991. С. 34–35]. Данное утверждение, на наш взгляд, применимо и к рассматриваемым нами сочетаниям древневерхненемецкого глагола *habēn* с именами деятельностной семантики. Как и в древнеанглийском языке, существительные деятельностной семантики в древневерхненемецком языке в большинстве случаев имели параллельно употребляющиеся однокоренные глаголы, оформленные по флективной глагольной парадигме. При этом имена существительные деятельностной семантики и соответствующие однокоренные глагольные единицы маркируются разными флективными парадигмами, являются единицами разных лексико-морфологических классов. Например:

12) *Siu an in sélbēn nehéina dīa nôt habēn* (Notker, Boeth. Cons., V (250, 28)) ‘Они сами никогда нужды не имели’ (ср. имя существительное *nôt* ‘нужда’ и глагол *nōten* ‘нуждаться’);

13) *Tiu ételih énde habent* (Notker, Boeth. Cons., II (100, 6–7)) ‘Все конец имеют (все заканчивается)’ (ср. существительное *énde* и глагол *entōn* ‘заканчиваться’).

Имена существительные деятельностной семантики в древневерхненемецком языке составляют примерно 12 % от общей выборки, в *деятельностной микросфере* – более половины случаев.

Фактически в половине примеров, относящихся к глагольно-именной модели, присутствуют формальные показатели того, что имя существительное – объект стоит в винительном падеже. Показателем винительного падежа в данном случае является определенный (14–15) или неопределенный (16–17) артикль, стоящий перед именем существительным. Окончание согласующегося с именем существительным – объектом имени прилагательного также указывает на винительный падеж (18):

14) *uuîrfen sie lôz. uuer dîê ganza keuuâte habēn solti* (Notker, Ps., 21 (67, 20)) ‘выбросили те, кто все одеянья иметь должны были’;

15) *táz tu dēn fûre mēnnisken habēn nemûgîst* (Notker, Boeth. Cons., IV (199, 21)) ‘что ты верных людей иметь не можешь’;

16) *Philosophi habētôn ein brēt fôre in* (Notker, Boeth. Cons., I (19, 28)) ‘Философы имели доску перед собой’;

17) *Tho quadun sie imo: uuir ni birumes fon huore giborane: einan fater habēn uuir, got* (Tat., Ev. Harm., 131, 17) ‘Тогда сказали они ему: мы рождены в браке: отца имеем мы, Господи’;

18) *Tie habent himeliskēn sîn. únde réine mûot* (Notker, Mart. Cap., II (138, 17)) ‘Они имеют небесные силы и настоящее мужество’.

Глагол *habēn* в древневерхненемецком языке мог также сочетаться с инфинитивом другого глагола для обозначения потенциальности совершаемого действия (около 5 % от общей выборки)⁴. Такие сочетания с инфинитивом и причастием (см. ниже) позволяют заключить, что природа процесса становления эврисемии древневерхненемецкого глагола *habēn* семантико-синтаксическая. Данная подгруппа очень близка по значению к сочетанию глагола с именем существительным деятельностной семантики, так как инфинитив по своему происхождению – это отглагольное существительное, название действия (деятельностная семантика). Здесь налицо вовлечение в сферу субъекта глагола *habēn* иного действия, также характеризующего с той или иной стороны именно субъект глагола. Встречаются, например, инфинитивы таких глаголов, как *chédēn* ‘отвечать’, *giloubon* ‘полагать’, *thurftigon* ‘нуждаться’, *ezen* ‘есть, кушать’, *órun* ‘слышать’, *uuanan* ‘жить’ и некоторые другие:

19) *bidu iu dri taga thuruhuonent mit mir inti ni habent uaz ezen* (Tat., Ev. Harm., 89, 1) ‘оба вы три дня оставались со мной и не имели что-либо кушать’;

20) *Thie thar habe órun, thie hóre* (Tat., Ev. Harm., 76, 5) ‘Это тогда имею слышать, это слышу’.

Древневерхненемецкая конструкция *habēn* + $N_{\text{АКК}}$ + *zi* (*ze*) + $V_{\text{ПАРТ}}$ также употреблялась для обозначения потенциального действия, однако здесь присутствует формальный показатель – целевой предлог *zi* (*ze*) ‘для, к’ (общая встречаемость составляет около 5 %). Дополнение к глаголу может быть выражено

⁴ В тексте примеров инфинитивы и причастия выделены двойным подчеркиванием.

именем существительным или местоимением. Например, конструкция *habēn + N_{AKK} + zi (ze) + V_{Part}*:

21) *Her quad in tho: ih muos habēn zi ezzen-na* (Tat., Ev. Harm., 87, 8) ‘Он сказал тогда: я должен иметь поесть (кушать)’ – в данном примере дополнение отсутствует, но оно понятно из контекста;

22) *Managu habēn ih fon íu zi sprehhanne inti zi tuomenne* (Tat., Ev. Harm., 131, 9) ‘Многое имею я от вас говорить и делать’.

Или конструкция *habēn + N_{AKK} + zua (ze) + V_{inf}*, встретившаяся лишь один раз:

23) *Her antlingota thô inti quad in: ther thie habe zua tunichun, gebe themo thie ni habe* (Tat., Ev. Harm., 13, 16) ‘Он ответил тогда и сказал: кто это имеет, чтобы делать, дай тому, [кто] не имеет’.

В древнеанглийском языке, по словам И. В. Шапошниковой, «значение обладания объектом ... совмещается с возможностью совершить над ним какое-то действие в будущем, как-то распорядиться им, чему способствует семантика отглагольных имен действия с целевым предлогом *to*» [1991. С. 40; курсив наш. – Н. К.]. Например:

24) *nu ic longe spell haebbe to secgenne* (Oros 94.16) ‘теперь я длинный рассказ имею рассказывать’.

Таким образом, в древнеанглийском языке присутствует конструкция *habban + N_{AKK} + to + V_{inf}* (пример 24) для обозначения потенциального действия. В то время как в древневерхненемецком языке – три разные по формальным показателям конструкции, а именно *habēn + N_{AKK} + V_{inf}* (см. примеры 19–20), *habēn + N_{AKK} + zi (ze) + V_{Part}* (см. примеры 21–22) и *habēn + N_{AKK} + ze + V_{inf}* (см. пример 23). Однако с семантической точки зрения все эти три конструкции в древневерхненемецком языке употребляются для указания на потенциальное действие, совершаемое субъектом, и составляют довольно значительный пласт от общей встречаемости глагола (около 10 %).

К группе действия, деятельностной микросфере, может быть отнесена также довольно частотная трехчленная конструкция, послужившая в дальнейшем источником для развития перфекта как в английском, так и в немецком языке. Подробный исторический анализ становления перфекта с глаголом ‘иметь’ проводился неоднократно (см., например: [Гухман, 1964; 1977; Смирницкая, 1997; Горбачев, 1999; Пименова, 2006; Поленова, 2006; Топорова, 2006; Сичинава, 2006])

и выходит за рамки данного исследования, однако необходимо заметить, что отчасти именно «широкие» семантические особенности глагола *habēn / habban* (его способность через объектную валентность характеризовать субъект) способствовали такому быстрому развитию формы перфекта. Известно, что часть трехчленных конструкций с *habban* в древнеанглийском языке имеет при себе дополнение, связанное с глаголом с помощью управления, обычно это существительное в винительном падеже. Дополнение, в свою очередь, имеет согласованное с ним определение. В качестве определения используется причастие, описывающее деятельное состояние объекта. Таким образом, трехчленная конструкция имеет следующий вид: глагол *habban* + прямое дополнение + определение к дополнению. При этом показатели согласования дополнения и его определения чаще отсутствуют, чем присутствуют (лишь в 12 % случаев содержатся согласующиеся определения). Например:

25) *tha othere sittende waeran ymb tha burg, oth hi hie gewunnene haefdon* (Oros 56.27) ‘те сидящими были вокруг той крепости, пока они имели ее побежденной’ (причастие прошедшего времени *gewunnene* согласуется с прямым дополнением *burg* к глаголу *haefdon*).

Однако в 55 % случаев в древнеанглийском языке при наличии прямого дополнения к глаголу уже отсутствует согласование между причастием прошедшего времени и этим дополнением:

26) *for thaem the hi haefdon genumen him Yrc to cyninge* (P Chr 948) ‘потому что они имели принятым (приняли) Эрика как своего короля’.

В древневерхненемецком языке, по нашим наблюдениям, отмечается аналогичная ситуация, хотя уже в ранних оригинальных памятниках такие формы встречаются редко. Так, лишь в 5 % случаев отмечается согласование дополнения и относящегося к нему определения в роде, числе и падеже. В частности:

27) *habēs managiu guot gisaztiu* (Tat., Ev. Harm., 105, 2) ‘многих хороших посадил’ (досл. ‘имеешь многих хороших посаженных’). Здесь наблюдается согласование в роде, числе и падеже между причастием прошедшего времени *gisaztiu* и прямым дополнением *guot* к глаголу *habēn*.

Однако чаще такого согласования, как и в древнеанглийском языке, не наблюдается:

28) *Uuili her unsa hinavarth, thero habêt her giuualt* (Kl. ahd. Dkm., Ludw. 38) ‘Хочет он нашей поездки, которую имеет он выбранной (выбрал)’. Согласование между прямым дополнением *hinavarth* к глаголу и причастием прошедшего времени *giuualt* отсутствует;

29) *Erbe habest du gegêben diên diê dih fûrhtent* (Notker, Ps., 60 (207, 16–17)) ‘Наследство ты дал тем, кто тебя боится’.

Окончательное синтаксическое оформление (т. е. устойчивость в расположении компонентов и силу их примыкания друг к другу) данные конструкции и в английском, и в немецком языках получили уже в средний период их истории, хронологически примерно в одно время.

Последняя группа представлена предложениями с субпредикацией: в качестве объекта глагола здесь использована придаточная часть (5,4 % от выборки). Например:

30) *inti ni haben uuaz ih gisezze furi inan* (Tat., Ev. Harm., 40, 1) ‘и не имеют что я ставлю для вас’.

Расширители глагольно-объектной модели

Для глагольно-объектной модели с *habên* уже в древний период существования языка характерно наличие расширителей (распространителей), с разных сторон описывающих объект действия. Прежде всего, это *качественные расширители*, выраженные именем прилагательным, согласующимся в роде, числе и падеже с объектом глагола. Располагаться такой расширитель мог как перед объектом (30), так и после него (31):

31) *Tîe habent himelîskên sîn. únde réine mûot* (Notker, Mart. Cap., II (138, 17)) ‘Они имеют небесные силы и настоящее мужество’;

32) *hiltibrant gimahalta heribrantes suno wela gisihu ih in dinem hrustim dat du habes heme heron goten* (Kl. ahd. Dkm., Hld., 47 (76v, 12)) ‘Хильдебранд сказал, Херибранда сын: точно вижу я по твоим доспехам, что ты имеешь дома хорошего господина (хорошему господину служишь)’.

Кроме того, качественные расширители глагольно-объектной модели оформлялись предложным сочетанием (33), притяжательным местоимением (34), придаточным определительным предложением (35):

33) *âlde dêro tûgede uuêllent ir dêro uuôrto dang habên* (Notker, Boeth. Cons., II (100, 16–

17)) ‘или по добродетели хотите вы в словах благодарность иметь’;

34) *...leitta inan in sines staluuirtes hûs inti habeta sîn suorgun* (Tat., Ev. Harm., 128, 9) ‘...оставил их на своем небольшом постоялом дворе и имел их заботы (заботился о них)’;

35) *inti himiles fugala habent selida thar sie restent* (Tat., Ev. Harm., 51, 2) ‘и небесная птичка имеет гнездо, в котором она отдыхает’.

Глагольно-объектную модель с *habên* распространяли также *расширители, указывающие на потенциальное действие*⁵. В частности, для обозначения совершаемого действия употреблялась конструкция *habên + N_{акк} + ze* ‘для, к’ + *N_{дат}*:

36) *Têro îogelîh habet sîh zu demo ândermo* (Notker, Boeth. Cons., IV (215, 22)) ‘Каждый имеет себя для другого’;

37) *dâr habeton siê mih ze huôhe* (Notker, Ps., 69 (237, 8–9)) ‘так как имели они меня для насмешки’;

Данная конструкция близка по смыслу к конструкции *habên + N_{акк} + zi (ze) + V_{part} / V_{inf}* (см. выше). Однако вместо глагольного компонента здесь употребляется именной, но если учитывать, что инфинитив по своему происхождению – это отглагольное существительное, называющее действие, то легко прослеживается взаимосвязь в значении конструкций.

К этой же группе может быть отнесена намного менее частотная конструкция *habên + N_{акк} + fûre* ‘для’ + *N_{акк}*, употребляющаяся также для характеристики действия, описываемого глаголом *habên*:

38) *dên âlte lûte habeton fûre hîgot* (Notker, Mart. Cap., I (2, 22 – 3, 1)) ‘старых людей имели для божественного брака’.

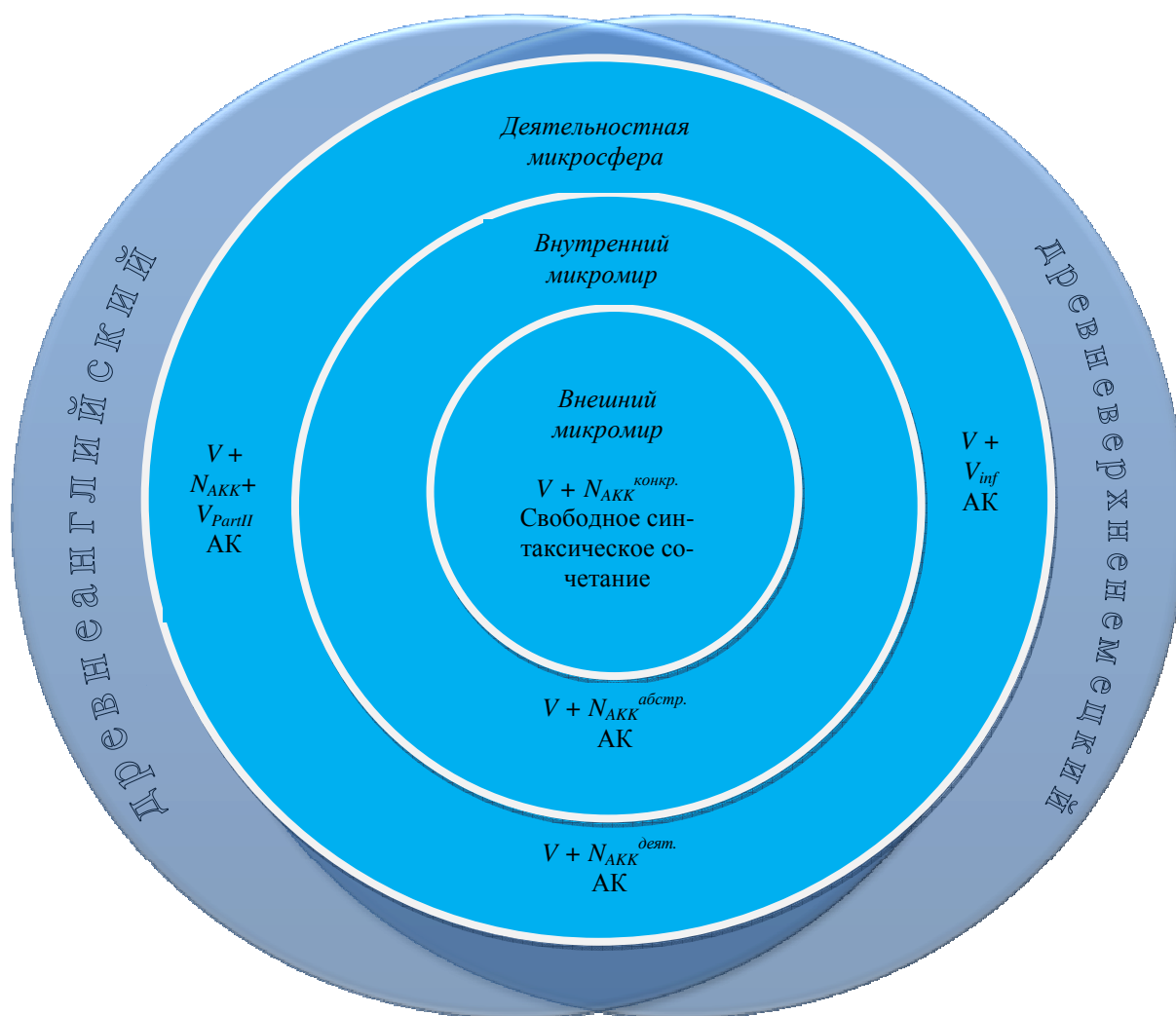
Конструкции с предлогами *in* ‘в’, *an* ‘в, на’ служили средством привлечения внимания к пространственной локации осуществляемого действия. Например:

39) *dîa sâlda. dîe ír habent in íu sêlbên?* (Notker, Boeth. Cons., II (72, 27–28)) ‘счастье, которое вы имеете в вас самих’;

40) *iro ciues habent teîl an ímo* (Notker, Ps., 122 (487, 3)) ‘они оба имеют часть в нем’.

Для глагольно-объектной модели с *habên* характерно также наличие *количественных*

⁵ В тексте примеров пространственные расширители выделены прерывистой линией.

Концептосфера субъекта в семантико-синтаксической модели с древневерхненемецким *habēn* и в семантико-синтаксической модели с древнеанглийским *habban*

расширителей, выраженных именем числительным:

41) *Odo uuelih uuib habet zehen dragmas...* (Tat., Ev. Harm., 96, 5) 'И какая госпожа имеет десять драхм...?'

Для древнеанглийской глагольно-объектной модели с *habban* также характерно наличие расширителей модели: качественных, количественных, а также пространственных, являющихся «средством привлечения, оттягивания внимания на объект в конструкции, ориентированной на описание субъекта» [Шапошникова, 1991. С. 45].

Именно наличие таких расширителей глагольно-объектной модели сделало возможным появление в дальнейшем различных аналити-

ческих конструкций (в том числе глагольно-наречного типа) в английском языке. Их возникновение связано с переструктурированием внутренней организации (переразложением) глагольной синтагмы.

* * *

На основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа древневерхненемецкого глагола *habēn* и древнеанглийского глагола *habban*, а также применения критериев идентификации носителей эврисемии мы приходим к следующим выводам.

1. Древневерхненемецкий глагол *habēn*, как и древнеанглийский *habban*, представляет в языке определенный базовый концепт в

прототипе концептосферы человека, а именно концепт «обладательное состояние» (глагол при этом маркирует посессивную сферу субъекта).

2. Валентность глаголов *habēn* / *habban* 'иметь' фактически идентична в двух рассматриваемых германских языках в древний период их истории. Ядро модели образуют конструкции с именем существительным конкретной семантики (и по формальным, и по частотным показателям), представляя когнитивную сферу манипуляции с материальными (конкретными) объектами – сферу конкретного в посессивной сфере субъекта глагола (внешний микромир).

В результате когнитивной метафоры происходит расширение наполняемости ядерной глагольно-объектной модели. Прежде всего, в качестве «псевдообъектов» могут употребляться имена существительные абстрактной семантики. Соответственно, к ядру модели примыкает сфера абстрактного – сфера внутреннего мира субъекта глагола (внутренний микромир).

Кроме того, наполняемость модели может быть расширена за счет конструкций, описывающих сферу действия, деятельностьную микросферу. Данная когнитивная микросфера располагается ближе к периферии модели и представлена следующими конструкциями в древнеанглийском языке: а) *habban* + $N_{\text{АКК}}^{\text{деят.}}$; б) *habban* + $N_{\text{АКК}}$ + *to* + V_{inf} . В древневерхненемецком языке: а) *habēn* + $N_{\text{АКК}}^{\text{деят.}}$; б) *habēn* + $N_{\text{АКК}}$ + V_{inf} ; в) *habēn* + $N_{\text{АКК}}$ + *zi* (*ze*) + V_{part} / V_{inf} . Сравнение употреблений глаголов *habēn* и *habban* представлено на рис. выше.

3. В семантике глаголов *habēn* и *habban* нет ограничений на то, какое обладательное состояние они описывают (это и внутренний, и внешний микромир человека – субъекта рассматриваемого глагола, а также деятельностьная микросфера).

4. Функциональная природа древневерхненемецкого глагола *habēn* (как и древнеанглийского *habban*) семантико-синтаксическая, характеризующаяся довольно широким набором синтаксических валентностей в общем объеме синтаксической парадигмы. В частности, и в древнеанглийском, и в древневерхненемецком языках глагол 'иметь' образует сочетания с именем существительным (как конкретной, так и абстрактной семантики), а также с глаголом и причастием (перфект). Кроме того, расширители (качественные, пространственные и количественные), распро-

страняющие глагольно-объектную модель, представляют потенциал для переразложения валентностных структур (однако простое наличие таких расширителей в древний период существования немецкого и английского языков не служит непосредственным основанием для того, чтобы утверждать, что этот потенциал будет реализован на следующих ступенях развития языков).

5. Древневерхненемецкий глагол *habēn* уступает древнеанглийскому глаголу *habban* в частотности на каждые 10 000 знаков текста (ср. 2,51 для древневерхненемецкого глагола и 11,7 для древнеанглийского глагола).

Список литературы

Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах: Моногр. / Ин-т языкознания РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 245 с.

Беляева Т. М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М.: Высш. шк., 1979. 184 с.

Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 203–224.

Горбачев Я. В. Зарождение аналитических глагольных форм в готском языке // История языка: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Л. Г. Панина. Новосибирск, 1999. С. 125–135.

Гурочкина А. Г. Категория динамического обладания и средства ее выражения в древнеанглийском языке // Теория, история, типология языков: Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. М.: Ин-т языкознания, 2003. Вып. 1. С. 123–129.

Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках: Опыт историко-типологического исследования родственных языков. М.: Наука, 1964. 294 с.

Гухман М. М. Типология развития залоговых оппозиций // Историко-типологическая морфология германских языков: категория глагола / Под ред. М. М. Гухман, Э. А. Макаева, В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1977. С. 128–211.

Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М.: Наука, 1981. 250 с.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. 5-е изд., пересмотр. и испр. М.: Высш. шк., 1965. 408 с.

Кудинова В. И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М., 1994. 16 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Мельников Г. П. Системная типология языков: принципы, методы, модели / Под ред. Л. Г. Зубковой. М.: Наука, 2003. 395 с.

Пименова Н. Б. Некоторые нерешенные проблемы исследования древнегерманского перфекта // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя: Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. К 100-летию со дня рождения. М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2006. Вып. 2. С. 148–155.

Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989. 240 с.

Поленова Г. Т. Диахроническая типология глагола 'sein' в составе немецких аналитических конструкций // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя: Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. К 100-летию со дня рождения. М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2006. Вып. 2. С. 156–164.

Сичинава Д. В. Синонимия глагольных форм и аналитизм // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя: Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. К 100-летию со дня рождения. М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2006. Вып. 2. С. 48–55.

Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков: категория глагола / Под ред. М. М. Гухман, Э. А. Макаева, В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1977. С. 5–127.

Топорова Т. В. Об аналитизме в старших рунических надписях // Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя: Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. К 100-летию со дня рождения. М.; Калуга: ИП Кошелев А. Б., 2006. Вып. 2. С. 131–138.

Шапошникова И. В. Становление и развитие аналитических глагольно-наречных и глагольно-субстантивных деривационных моделей в истории английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1991. 238 с.

Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического

кода английского языка в лингво-этническом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 1999. 366 с.

Шапошникова И. В. История английского языка. Новосибирск, 2009. 506 с.

Duden Das Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / Hrsg. und bearb. unter Leitung von G. Drosdowski. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. 839 S.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Unveränderte Aufl. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1975. 915 S.

Köbler G. Althochdeutsches Wörterbuch. 4. Aufl. Göttingen; Gießen; Innsbruck, 1993. 298 S.

Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. 250 S.

Wischer I. Lexicalization of Paraphrasal Verb Constructions with «Have» and «Take» // History of the English Lexicon / Ed. by D. Kastovsky. Tulln, 2001.

Список источников примеров

Kl. ahd. Dkm., Hld. – Hildebrandlied // Lesser Old High German Monuments: Codex Casselanus, 2 Ms. theol. 54, Bl. 1^r und 76^v – TITUS version by J. Gippert, Frankfurt a/M, 15.7.2001.

Kl. ahd. Dkm., Ludw. – Ludwigslied // Altdutsche Texte: Ausgewählt und kommentiert von Heinz Mettke. Leipzig: Veb bibliographisches Institut, 1970.

Notker, Boeth. Cons. – Consolatio philosophiae des Boethius (Kommentierende Übersetzung) // Die Werke Notkers des Deutschen / Hrsg. von J. C. King, P. W. Tax. Tübingen, 1966–1967 – Digitale Version: Ulrich Harsch, 1998.

Notker, Mart. Cap. – De nuptiis Philologiae et Mercurii des Marcellianus Capella (Kommentierende Übersetzung) // Die Werke Notkers des Deutschen / Hrsg. von J. C. King, P. W. Tax. Tübingen, 1966–1967 – Digitale Version: Ulrich Harsch, 1998.

Notker, Ps. – Psalmen // Die Werke Notkers des Deutschen / Hrsg. von J. C. King, P. W. Tax. Tübingen, 1966–1967 – Digitale Version: Ulrich Harsch, 1998.

Tat., Ev. Harm. – Tatian. Lateinisch und altdeutsch mit ausführlichem Glossar / Herausgegeben von E. Sievers. Zweite[,] neubearbeitete Ausgabe [1892]. Unveränderter Nachdruck Paderborn: Schöningh, 1966 (Bibliothek der ältesten deutschen Literatur-Denkmäler, V. Band). S. 3–292 – TITUS version by J. Gippert, Frank-

furt a/M, 22.10.1997 / 28.2.1998 / 21.6.1998 /
3.10.1999 / 1.6.2000 / 1.3.2003.

Oros – King Alfred's Orosius / Ed. by
H. Sweet. L., 1883. 298 p.

P Chr – The Peterborough Chronicle 1070–
1154 / Ed. by Cecily Clark. Oxford: Univ. Press,
1958. 60 p.

Материал поступил в редколлегию 17.11.2010

N. V. Kozlova

FORMATION OF THE EURYSEMIOUS VERBS IN OLD HIGH GERMAN AND OLD ENGLISH

The article studies verbal analytical constructions, whose verbal elements are expressed by eurysemious verb *habēn* in Old High German in comparison with *habban* in Old English. The author describes this comparison from the aspect of the radical typological change in the Germanic Languages.

Keywords: typology, system typology, grammaticalization, analytical constructions, broad meaning verbs, German, English.